

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Из цикла «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МЕРТВЫХ ЛЮДЕЙ»

Поймали жулика. Повели в суд. Свидетелей — триста человек. Доказательств — еще триста человек на тележках везут. И каждое — аки гвоздь — пригвозждает, и не соскользнешь.

— Ух мы сейчас ему зададим! Он у нас пляшет!

Три прокурора померли по старости, пока все доказательства рассмотрели и всех свидетелей выслушали.

А этот жулик, подлец, и адвоката брать не стал.

Выходит на решительное слово и говорит снисходительно:

— Я вам научно сейчас заблуждения ваши обосную.

Судья:

— Только нельзя ли поскорее, а то четвертый прокурор уже редко дышит, как бы совсем не выдохся.

— Я буквально в два счета — через пять минут по домам разойдемся — котлеты жевать. Вот скажите, граждане, дважды два — четыре будет, или я не прав?

— Оно ведь смотря по потребности. Но если научно, то, конечно, прав.

— А «жи-ши» писать следует с буквой «и», или я не прав?

— Всякое встречается — бывает, и с другой иной, и через твердый знак один гражданин писал, да под трамвай попал, но если научно, то, конечно, прав.

— А за вилку не левой ли рукой братья нужно, ухватив ножик правой? Или я не прав?

— А за вилку — это не научный вопрос, а из этикету!

— Но из этикету-то я прав?

— Если из этикету, то, конечно, прав.

— Вот и выходит — ни научно, ни этически крыть мою правоту вам нечем! У вас все сплошь фантазии и беллетристика, поставленные на жидкий фундамент. А я кругом прав — и научно, и этически. Развязывайте меня и идите по домам.

— Один убыток от этой науки, — вздохнул прокурор. — И от этики тоже — один убыток. Хоть помирай.

И помер. Выдохся.

— Если прокурору крыть нечем... — Судья посмотрел на прокурора и, убедившись в его молчании, вынес вердикт: — Невиновен!

Жулика развязали, он на радость всем сплясал и был таков, да и все прочие разошлись. И триста свидетелей разошлись. И те, что с тележками, — тоже. Всяк в свой дом — котлеты жевать.

Только прокурор остался ни с чем.

СВИДАНИЕ

И все-таки она пришла...

Платон Иванович Охмуренков истомился и пригубил заранее.

Усадив Надежду Карловну, он наполнил бокалы.

— Вы такая... такая... — Охмуренков выпил.

Гостя благосклонно внимала, и Охмуренков осмелился:

— Необыкновенная!

Надежда Карловна тоже выпила.

— Какой вы, однако, волокита, Платон Иванович.

Охмуренков налил еще. Надеждой Карловной овладел душевный порыв, но она недооценила физические грани своей личности, и бокал вдребезги разлетелся по полу.

Платон Иванович было огорчился, глядя на полусухую, красную, с крепостью одиннадцать и пять, маску зверя у ног своих. И от огорчения заступорился, что само по себе огорчило его пуще прежнего. Но вид Надежды Карловны, согбенно,

на четвереньках, собиравшей осколки, привел его в трепет. И даже в неожиданные фантазии.

Он вообразил, как ползающая по полу богиня сейчас вскрикнет, уколов пальчик осколком стекла. Или даже надрежет. И поднимет его, с выступившей капелькой невинной крови. И Охмуренков схватит эту ручку с устремленным в потолок пальчиком. Нежно так схватит. И слижет эту капельку. Языком. Глядя в глаза, в ее полные признательности и нежности глаза. И магнетическое единение закрутит их, повалит, вдавит друг в друга...

Надежда Карловна со скрежетанием и хрустом вывалила осколки в помойное ведро. Платон Иванович посмотрел на пятно под ногами и полез на полку за новым бокалом. Нового бокала там не оказалось, и он достал граненый стакан, привычно дунул в него и наполнил вином. Не говоря ни слова, они допили бутылку полусухого красного, крепостью одиннадцать и пять, и гражданка Иванова Н. К. ушла из квартиры Охмуренкова и больше в его жизнь не возвращалась.

